Тонких Д.А., Маслов А.В.

Субъекты формирования доказательств

ЦФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/lj-11-2019-215

idsp: ljjournal-11-2019-215

Аннотация

В статье рассматривается круг субъектов формирования доказательств в условиях современной модели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: доказательство, допустимость, информация, факты, субъекты доказывания.

Abstract

The article discusses the circle of subjects of evidence formation in the context of the modern model of criminal proceedings.

Keywords: evidence, admissibility, information, facts, subjects of proof.

Вопрос о круге субъектов доказывания в общем и субъектах, обладающих правом формировать (собирать) доказательства, – в частности, является предметом для научных дискуссий. Часть специалистов отождествляют субъектов доказывания с субъектами уголовно-процессуальной деятельности, мотивируя свою позицию аксиоматичным утверждением о том, что познание является «ядром» уголовного судопроизводства, что предполагает вовлечение в этот процесс всех участников производства по уголовному делу[4]. Однако, подавляющее большинство ученых-процессуалистов обособляют лиц, в той или иной форме участвующих в доказывании, из общей массы участников уголовного процесса.

Полагаем что, решая вопрос о круге субъектов доказывания, необходимо исходить из процессуального статуса того или иного участника уголовного судопроизводства, а также содержания уголовно-процессуального познания. Если мы понимаем процесс доказывания исключительно как формализованную деятельность, не принимая во внимание ее гносеологического аспекта, то к субъектам доказывания можно отнести исключительно должностных лиц органов уголовной юстиции, а также суд, которые в соответствии со ст. 86-88 УПК РФ наделены соответствующей обязанностью. Однако, в соответствии с ч. 2, 3 ст. 86 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также защитник участвуют в собирании доказательств путем их представления должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу[1]. Более того, в статусных нормах уголовно-процессуального закона, определяющих правовое положение лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, предусмотрено их право представлять доказательства дознавателю, следователю, прокурору, суду (п. 4 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 43, п. 2 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47, п. 7 ч. 2 ст. 54 УПК РФ). Во всех названных случаях речь идет о праве неофициальных участников уголовного процесса участвовать в формировании доказательств, которое имеет пассивный характер, поскольку легализация соответствующей информации, т.е. придание ей формы доказательства осуществляется должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу.

Думается, что круг субъектов этапа формирования доказательств может быть представлен в виде следующей классификации.

1. Должностные лица органов уголовной юстиции, наделенные властными полномочиями по формированию доказательств (дознаватель, следователь, прокурор, суд). Наиболее значимая роль в процессе доказывания отводится должностному лицу,

ведущему предварительное расследование, т.е. дознавателю и следователю, которые в соответствии со ст.ст. 38, 41 УПК РФ проводят любые следственные и иные процессуальные действия по обнаружению, получению и фиксации сведений, имеющих значение для уголовного дела. В этой связи в доктрине уголовного процесса активно дискутируется проблема процессуальной функции названных лиц в контексте состязательной формы судопроизводства, которая декларирована уголовно-процессуальным законом не только для судебных стадий, но и для досудебного производства (ст. 15 УПК РФ). Буквальное толкование положений УПК РФ, определяющих место дознавателя следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования путем их отнесения к стороне обвинения (глава 6), дает повод для утверждений об исключительности функции уголовного преследования в деятельности названных должностных лиц [5]. Однако, анализ положений УПК РФ, регулирующих процесс доказывания, позволяет усомниться в справедливости названной позиции. Так, следователь, дознаватель обязаны доказывать все обстоятельства, составляющие предмет познания (ст. 73 УПК РФ), в число которых входят как обвинительные, так и оправдательные обстоятельства. В ранее действовавшем УПК РСФСР процессуальная функция следователя, дознавателя детализировалась принципиальным положением об обязательности всестороннего, полного и объективного установления всех обстоятельств уголовного дела, которое, к сожалению, не нашло отражения в действующем уголовно-процессуальном законе. В связи с изложенным полагаем, что заслуживают дальнейшей научной разработки и законодательного оформления предложения об обособлении процессуальной функции дознавателя, следователя именно как субъектов доказывания. Это позволит отграничить их статус от статуса стороны обвинения, акцентировав внимание на основной деятельности – формировании, проверке и оценке доказательств.

Таким образом, первую группу субъектов формирования доказательств составляют должностные лица, наделенные властными полномочиями по непосредственному участию в доказывании, а также по контролю и надзору за соответствующей деятельностью: дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель следственного органа, прокурор, суд.

2. Как уже было отмечено, неформальные участники уголовного процесса, имеющие личный либо представляемый интерес в исходе уголовного дела, наделяются правом на участие в доказывании. Нельзя не отметить противоречия формулировок, содержащихся в ч. 2 ст. 86 УПК РФ и в п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47, п. 7 ч. 2 ст. 54 УПК РФ. Если в первом случае речь идет о представлении подозреваемым, обвиняемым, а также потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями письменных документов и предметов для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, то во втором – о собирании и представлении доказательств. С точки зрения механизма формирования доказательств указанные лица представляют дознавателю, следователю, суду сведения, имеющие значение для уголовного дела, которые приобретают статус доказательств только после придания им определенной процессуальной формы, предполагающей проверку относимости и допустимости содержащейся в предметах и документах информации властным субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

Приобщение предметов и документов к уголовному делу в качестве доказательств до недавнего времени зависело от усмотрения должностного лица, ведущего производство по делу и является результатом их исследования. При этом, необходимо иметь в виду, что такой подход никогда не был императивным, поскольку законом предусматривались случаи невозможности отказа в удовлетворении соответствующего ходатайства заинтересованного лица. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему,

гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Права заинтересованных лиц на участие в доказывании были расширены Федеральным законом от 17.04.2017г. № 73-ФЗ [2], который ввел в действие ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, в соответствии с которой им не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

Думается, что приведенная новелла уголовно-процессуального закона является позитивной с точки зрения расширения состязательного начала стадии предварительного расследования, поскольку ограничивает усмотрение следователя, дознавателя в части признания представленных заинтересованным лицом предметов и документов доказательствами. Вместе с тем она имеет некоторые неточности с позиций юридической техники, обусловленные использованием термина «доказательство» в контексте реализации права частных лиц на участие в доказывании.

Наряду с лицами, имеющими личный интерес в исходе уголовного дела, а также их представителями ко второй группе субъектов доказывания мы предлагаем относить защитника. Его интерес в исходе уголовного дела носит профессиональный характер, он не наделяется властными полномочиями, а собирание доказательств является для адвоката-защитника не только правом (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), но и обязанностью (ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3]). Защитник не наделяется правом представления доказательств с точки зрения процессуальной формы их закрепления. Тем не менее, он, как лицо, официально представляющее сторону защиты, имеет большой арсенал инструментов влияния на процесс доказывания, нежели частные лица. В частности, защитник имеет право участвовать в производстве следственных действий, проводимых по его ходатайству или с участием его подзащитного; знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому (ст. 53 УПК РФ); привлекать к участию в производстве по уголовному делу специалиста, при этом стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (п. 2.1 ст. 58 УПК РФ) и т.д.

3. Самостоятельную группу субъектов, участвующих в формировании доказательств, на наш взгляд, составляют лица, чья деятельность в рамках производства по уголовному делу имеет вспомогательный характер. Это, прежде всего эксперт и специалист, чьи заключения и данные на их основе показания, в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ относятся к самостоятельному виду доказательств. В настоящее время на легальном уровне указанные лица не отнесены к числу субъектов доказывания, хотя в специальной литературе уже не единожды поднималась проблема самостоятельного значения экспертных заключений и роли сведущего лица в их формировании. Например, по мнению А.Р. Белкина, с которым, на наш взгляд, трудно не согласиться, проводя экспертизу и давая заключение, сведущее лицо не только оценивает доказательства, представленные в качестве материалов для исследования, но и формулирует выводы, имеющие самостоятельное значение [6]. Кроме того, допустимость экспертного заключения наряду с его содержанием предполагает соблюдение формы, предусмотренной ст. 204 УПК РФ, что также входит в компетенцию лица, его составляющего, т.е. эксперта.

Однако, на наш взгляд, существующая законодательная модель производства экспертизы не позиционирует эксперта как самостоятельного и автономного субъекта формирования доказательств, отводя его деятельности лишь вспомогательный характер.

Вспомогательный характер имеет деятельность переводчика и понятого, которые вовлекаются в процесс производства по уголовному делу для получения доказательственной информации. В частности, переводчик участвует во всех следственных и иных процессуальных действиях, проводимых с лицом, не владеющим языком уголовного судопроизводства, осуществляет перевод процессуальных документов, участвует в судебном заседании (ч. 1 ст. 59 УПК РФ). Его деятельность имеет обеспечительный характер и в соответствии с принципом языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ) является гарантией допустимости полученных доказательств.

Удостоверительная функция понятых, привлекаемых к участию в производстве следственных действий (ст. 60 УПК РФ), также обеспечивает допустимость полученных доказательств. Вместе с тем достаточно спорным представляется утверждение о том, что понятой является равным следователю, дознавателю субъектом познания обстоятельств уголовного дела [7], поскольку его функциональная роль сводится к удостоверению факта производства следственного действия, а также его содержания, хода и результатов.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что основными субъектами формирования доказательств являются лица, наделенные властными полномочиями, чья функция заключается не только в обнаружении, исследовании, изъятии и процессуальном закреплении значимой информации, т.е. придании ей статуса доказательства, но и в обеспечении иным лицам возможности реализовать свои права по участию в доказывании.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Дата обращения: 12.10.2019).
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.04.2017г. № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 12.10.2019 г.).
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017г.) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 12.10.2019 г.).
4. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1991. С. 116; Громов Н.А., Зайцева С.А., Гущин А.Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе: Учебно-практическое пособие. М.: Приор-издат, 2006. С. 26-28
5. Багмет А.М. Следователь - судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. № 14. С. 8-9.).
6. Белкин А.Р. Указ. соч. С. 27-28.
7. Хитрова О.В. Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. М.: Спарк, 1998. С. 23.

Удычак Ф.Н., Швец В., Чеботарева И.Ю.

Законотворчество как составная часть правотворчества

*Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-216

idsp: ljjournal-11-2019-216

Аннотация

Правотворчество – деятельность субъектов, наделенных нормотворческой компетенцией, по созданию юридических норм. Правотворчество охватывает собой